

Полночь. Глубокая ночь, две часа. Вся городская суeta будто погрузилась в какое-то болезненное забытие. На улицах мегаполиса по-прежнему мигали неоновые вывески, но их свет казался мертвенно-бледным и слабым, не способным пробиться сквозь бурные потоки, бурлящие в глубоких переулках.

Цзю Сяньлин стоял в тени у подножия жилого комплекса семьи Хань и первоначально закрыл глаза, пытаясь прийти в себя и уловить хоть малейший слабый след духовной энергии в сухом воздухе мира смертных. Внезапно его межбровье обожгло так сильно, будто приложили раскаленное докрасна железо, и резкая, частая боль мгновенно пронеслась по его Морю сознания.

Это ощущение было до крайности зловещим и изощренным — словно чья-то невидимая, отравленная ядом тонкая игла пыталась сквозь слои пустоты вскрыть какую-то священную и неприкосновенную печать.

— Диск Возвращения Душ? Эти не знающие страха смерти выродки действительно осмелились прибегнуть к столь губительному для кармы и вредному для заслуг мерзкому артефакту!

Цзю Сяньлин резко распахнул глаза, и в глубине его зрачков мелькнул золотисто-красный огонь ярости. Хотя его бессмертная сила сейчас была запечатана, острота духовной сущности по-прежнему многократно превосходила смертный мир. Он чувствовал, как полное отчуждения магнитное поле уже заперло ту уютную маленькую комнату на втором этаже, пытаясь насильственно вытянуть самое драгоценное сокровище в этом подлунном мире.

Не колеблясь ни секунды, он стремительно рванулся с места. Лишившись бессмертного искусства мгновенного перемещения, он тем не менее владел контролем над потоками воздуха и ритмом пространства, укорененным глубоко в костях. Слово тусклый поток света, промелькнувший в ночи, он легко коснулся ногой угла стены и в несколько прыжков по ржавой водосточной трубе на фасаде взмыл вверх — легкий как ласточка, он за пару взмахов перемахнул через окно спальни Хань Тяньюнь на втором этаже, словно гибкая обезьяна.

Внутри комнаты царила поистине жуткая атмосфера.

Изначально уютные розовые обои были окутаны слоем мертвенно-бледного холодного света; сияние исходило вовсе не от лампы, а от лучей, испускаемых Дискон Возвращения Душ. Подобно липким, ледяным ядовитым змеям, они медленно выползали на подушку Хань Тяньюнь вдоль простыни, направляясь прямо к ее Морю сознания между бровей.

Хань Тяньюнь в этот момент увязла в кошмаре; в отсветах холодного света ее лицо казалось то бледным, то синюшным, губы слегка дрожали, издавая тяжелые и подавленные стоны. Маленькая ручка мертвенно вцепилась в край одеяла, а лоб покрылся испариной — казалось, невидимые гигантские руки пытаются насильственно вырвать ее душу прямо из плоти.

— А ну прочь! — рявкнул Цзю Сяньлин, и в его голосе прозвучало не допускающее возражений императорское величие.

Сложив правую руку пальцами-мечом и сконцентрировав на кончике оставшуюся у него частицу первородного духа, он со злостью ткнул в тот ледяной луч, что уже коснулся бровей Хань Тяньюнь!

— Гум! — при столкновении кончика пальца с холодным светом раздался пронзительный звук, напоминавший трение металла.

Однако Диск Возвращения Душ оставался высшим сокровищем смертных злых культиваторов, на создание которого Су Бай потратил огромные средства и годы кропотливого труда, в то время как Цзю Сяньлин сейчас пребывал лишь в смертной плоти. Мощнейшая волна отдачи отбросила его назад — Цзю Сяньлин почувствовал, как половина плеча онемела, между большим и указательным пальцами кожа мгновенно лопнула, брызнула кровь. Тихо стоннув, он с трудом устоял на ногах лишь после трех шагов назад.

— Проклятье... Эта плоть слишком слаба! — сквозь зубы процедил Цзю Сяньлин, видя, как рассеянный холодный свет вновь сгущается и с еще большей яростью устремляется на Хань Тяньюнь.

В этот критический момент, когда даже Цзю Сяньлин уже собирался рискнуть и сжечь первородную сущность души ради смертельной схватки, произошло неожиданное!

Лоб мирно лежавшей на постели Хань Тяньюнь внезапно озарился невероятно сложным золотым узором, излучавшим бесконечную ауру императорского пути. Рисунок напоминал то древнее письмо чжуань, то струящиеся звездные орбиты, извергая во тьме ослепительное золотое сияние, превосходившее по яркости солнце!

— Это... — Цзю Сяньлин инстинктивно заслонил глаза.

То быланюню отнюдь не духовная энергия смертного мира, а высшая императорская божественная сила, несомненно несущая в себе нечто превосходящее все сущее, величественное, подобное небесам. Восемнадцать лет скрывавшиеся в теле Хань Тяньюнь Охранные письма в момент смертельной угрозы жизни их носителя окончательно вырвались из спячки.

— Бум! — золотая волна с Хань Тяньюнь в эпицентре превратилась в круглую ударную волну, разметавшую всю комнату.

Оконные стекла во всей квартире вмиг обратились в бесчисленные крошечные крупички под глухой треск. Побледневший холодный свет Диска Возвращения Душ, от которого содрогались бесчисленные культиваторы, не продержался и секунды — подобно снегу под лучами палящего солнца, он еще до того, как успел издать крик ужаса, был разорван золотым сиянием в ничто.

За окном несколько элитных убийц Темного Ворона, затаившихся в тени с компасами в руках в ожидании момента для захвата сети, даже не успели толком сообразить, что произошло, как их

напрямую снесло мощнейшим потоком энергии. Словно оборванные воздушные змеи, они отлетели на десятки метров назад и с тяжелым стуком врезались в противоположный телеграфный столб и кирпичную стену, оставшись лежать без признаков жизни среди груды разбитых приборов.

Цзю Сяньлин проявил расторопность: он знал, что утечка столь долго продолжающейся небесной ауры вызовет лишние хлопоты. Воспользовавшись тем, что исторгнутая мощная духовная энергия еще окончательно не рассеялась, его руки молниеносно сложили печать, оставляя в воздухе бесчисленные остаточные изображения пальцев:

— Опираясь на изначальный исток небес и земли, сковать демонов и духов со всех сторон, запечатать!

Направляя оставшееся давление духовной энергии, некогда принадлежавшее небесному миру, он обратил его в прозрачный барьер, запечатавший ауру комнаты и полностью очистивший зловредную ци в радиусе ста шагов.

Хаос наконец утих.

Хань Тяньюнь резким рывком очнулась от кошмара, тяжело и часто дыша, словно ее только что вытащили из воды. Ее грудь бурно вздымалась, а во взгляде еще таился не угасший ужас и растерянность.

Она оглядела усыпанный осколками стекла пол, покосившуюся мебель и, наконец, перевела взгляд на стоявшего у окна юношу. Тот стоял спиной к лунному свету, а его правая рука все еще слегка дрожала и кровоточила.

— Что это... было сейчас? — ее голос прозвучал хрипло и дрожаще, отражая беспомощность рухнувшей картины мира.

Цзю Сяньлин долго молчал, повернувшись к ней. Лунный свет падал на его изящное лицо, отчего он казался то ребенком, то одиноким божеством тысячелетней давности. Глядя на жаждущие ответа и даже пронизанные капелькой решимости глаза Хань Тяньюнь, он наконец выпустил долгий вздох.

Потянув к себе уцелевший стул и присев, он с самоиронией усмехнулся, и его голос обрел беспрецедентную искренность:

— Сестрица, ты победила. Этот молодой господин сегодня... расскажет тебе всю правду.

В течение следующего часа, в комнате, пахнувшей гарью и полной стеклянной крошки, Цзю Сяньлин выложил все начистоту.

Он поведал о парящей в девяти небесах Земле Бессмертных Десяти Тысяч Сект, о возвышавшемся над облаками до дрожи величественном Дворце Пурпурных Небес и об отце, сидевшем на императорском троне и способном одним взмахом руки решать судьбы угасания звезд — Небесном Императоре Хуан Тао.

— Раньше я был слишком неразумен и целыми днями устраивал беспорядки в том ледяном дворце. Я украл бороду у Тайбай Цзиньсина, спалил храм Бога Войны и, наконец... съел девяносто девять персиков бессмертия из драньей слюны, которые дядя Ухэнь ценил выше всего на свете, — опустив голову, с редкой ноткой поражения в голосе произнес Цзю Сяньлин. — Отец не стал меня бить или ругать. Он просто посмотрел на меня, вздохнул, а затем пинком сбросил с Южных Ворот Небес.

— Если я не верну те девяносто девять персиков бессмертия, превратившихся в Первородную Сущность, мне и в этой жизни не суждено вернуться назад, — горько усмехнувшись, Цзю Сяньлин посмотрел на собственную ладонь. — Поэтому сейчас в глазах смертных я могу казаться сильным, но для бессмертного мира я — лишь никчемный изгнанник, смертный.

Он замолчал, и его взгляд сосредоточенно упал на постепенно угасавший золотой узор на лбу Хань Тяньюнь.

— Что до тебя... — голос Цзю Сяньлин стал мягче. — Я не знаю твоего точного происхождения, но уверен: ты — то самое Сердце Массива, что лично установил Небесный Император-отец. Охранные письма в твоём теле невероятно мощны: они защищают тебя, но они же и запечатывают. Если ты попытаешься силой прорвать их сейчас, твоё смертное тело мгновенно рассыплется. Если же не распечатаешь, то всю жизнь так и проживёшь обычным человеком в неведении.

Хань Тяньюнь тихо слушала. Поджав колени и сидя на постели, она чувствовала, как её прежде напряжённые плечи по мере рассказа Цзю Сяньлина постепенно расслабляются.

Глядя на этого заносчивого и надменного обычно сына Небесного Императора, который сейчас сидел напротив неё словно сбежавший из дома обиженный ребёнок, она почувствовала, как затаённая обида на то, что её скрывали и использовали, в этот миг чудом рассеялась.

Она вдруг осознала: Цзю Сяньлин не шпионил за ней, он вместе с ней блуждал в скитаниях.

— Оказывается, ты тоже мелкий хулиган, которого отец выпер из дома, — на губах Хань Тяньюнь промелькнула слабая улыбка. С прошлогодней холодной войны это был первый раз, когда она улыбнулась так тепло, с оттенком разделённого пополам горя.

— Эй! Я — наследник Небесного Императора! Единственный преемник Земли Бессмертных Десяти Тысяч Сект! — покраснев, с вызовом выпятил грудь Цзю Сяньлин, пытаясь вернуть хоть каплю авторитета.

— Будь ты хоть Небесным Императором, хоть охранником, отец есть отец. Пинает он тебя, возможно, лишь для того, чтобы ты научился ходить, — Хань Тяньюнь протянула руку. На сей раз без колебаний и отчуждения, она мягко и ласково погладила растрепанные длинные волосы Цзю Сяньлин. — Раз уж я хочу узнать правду, а тебе нужно собирать те персики бессмертия... давай сделаем это вместе.

Цзю Сяньлин замер. В бессмертном мире обитатели испытывали перед ним лишь трепет или льстили ему, и еще никто и никогда не осмеливался говорить с ним в столь равном, почти материнском тоне.

В его глазах промелькнула вспышка дикого восторга, после чего он взволнованно достал из-за пазухи нефритовую табличку, источавшую матовый зелёный свет и обладающую жировой текстурой.

— Это высшая техника бессмертного мира, которую я в эти дни силой восстановил по памяти — Искусство Нефритового Тела Небесной Лазури, — с торжественным выражением лица Цзю Сяньлин преподнес нефритовую табличку обеими руками перед Хань Тяньюнь. — Эта техника лучше всего подходит тем, кто наделен ци неба и земли и обладает чистейшим телосложением. Практикуй ее, укрепляй свой исток. Когда твой уровень культивации поднимется настолько, что ты сможешь вынести силу печати, она спадет сама собой. К тому времени никто на небесах и под землей не сможет помешать тебе узнать все, что пожелаешь.

Хань Тяньюнь приняла нефритовую табличку, ощутив пальцами прохладное дыхание. Закрыв глаза, она мгновенно почувствовала, как в разум хлынули бесчисленные бурлящие, словно море, и сложные, как звезды, письмена. Глубоко внутри ее тела затаившееся и запечатанное на протяжении восемнадцати лет дыхание словно услышало зов и начало издавать слабый резонанс.

Эта ночь для смертного мира казалась обычным поздним часом с парой разбитых стекол.

Но для Хань Тяньюнь та заурядная воспитательница детского сада канула в лету вместе с ветром. Ее место заняла важнейшая и самая непредсказуемая переменная в этой шахматной партии, раскинувшейся между миром бессмертных и смертных.

— Сяньлин.

— М?

— Больше не смей ничего от меня скрывать. Я твоя напарница, а не питомец и не деталька, — глядя на него, твердо произнесла Хань Тяньюнь.

— ...Знаю я, жена моя... Тьфу, сестрица!

В лунном свете тени двоих переплелись среди беспорядка в комнате. Они знали, что впереди их ждут опасности еще страшнее, но по крайней мере в этот момент они больше не были одиноки.

А на вершине города Су Бай смотрел на превратившийся в порошок Диск Возвращения Душ в своей руке, и лицо его помрачнело до пугающего предела. Он понимал: одними лишь методами смертного мира этих двоих уже не удержать.

— Проклятье... Похоже, придется вытащить тех старых чудовищ.

<http://bllate.org/book/22038/2291297>